

О деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьёва-Амурского и его сподвижников в последнее время пишут не так уж редко¹. Однако большая часть этих исследований носит характер историко-биографический и историко-географический. Существенно реже изучается внешнеполитический контекст этой деятельности, и уж совсем редко обсуждается «муравьёвская» социально-экономическая политика и основанный на ней порядок управления Сибирью. Между тем именно Н.Н. Муравьёв впервые в истории сформировал управленческую команду, способную в короткие сроки осуществить активный политический курс на крайнем востоке Российской империи.

«Делая сравнение несколько гиперболическое, — писал учёный-географ М.И. Веников, — я могу сказать, что для Восточной Сибири «век Муравьева» был тем же, чем век Екатерины II для всей России и век Людовика XIV для Франции»². Таким образом, знаменитые Амурские сплавы 1854–1858 гг. стоит рассматривать не только в военно-административном или научно-исследовательском ключе, но и как основной механизм оригинальной социально-экономической стратегии развития Восточной Сибири и управления ей. Именно в ходе этих уникальных по своему характеру экспедиций был сформирован культурно-исторический контекст дальнейшего развития Азиатской России. Как же это происходило?

На подступах к Амуру

Изменившаяся к началу 1840-х гг. в результате военной и экономической активности европейских держав политическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском

¹ *Алексеев А.И. Амурская экспедиция, 1848–1855 гг. М., 1974; Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. — М., 1982; Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959; Кутузов М.А. Честь генерал-губернатора: Н.Н. Муравьев Амурский: док.-ист. очерк. Владивосток, 1997. Наиболее полный список литературы по теме см.: Памяти достоин. Биобиблиографический указатель. Благовещенск, 2014 // http://www.libamur.ru/sites/libamur/files/muravev-amurskiy_verstka.pdf*

² *Веников М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 97.*

регионе поставила перед властями Российской Империи новые сложные задачи. По мнению А.В. Ремнева, «малая населенность российского Дальнего Востока, падение управляемости Охотско-Камчатским краем и Русской Америкой, неясность экономических перспектив и географическая отстранённость от новых зон политической активности грозили России утратой традиционно доминирующего положения на азиатском северо-востоке»³. В условиях разраставшейся многовекторности внешней политики России на Дальнем Востоке самодержавие должно было выстроить новую региональную конструкцию международных отношений, используя ослабление военно-политического могущества Цинской империи и противоречия, существовавшие между Англией (основной соперницей России в Азии) и США.

Определяя смысл территориальной политики императора Николая I на Дальнем Востоке, М.И. Венюков писал: «Сибирь не имела выхода со стороны Тихого океана. Суровые побережья Охотского моря не представляли условий, необходимых для основания и развития там торговых городов, а затем ничего не оставалось более, как занять опять Амур...» Если первоначально возвращение Амура связывалось с защитой и снабжением продовольствием Охотско-Камчатского края, то скоро Амур из средства превратился в самоцель, определив новое направление правительственных действий⁴.

Неожиданно для многих 5 сентября 1847 г. генерал-губернатором огромного края, простиравшегося от Енисея до побережья Тихого океана, был назначен генерал-майор Н.Н. Муравьёв, которому в ту пору было всего 38 лет. Однако за его плечами уже была военная служба в Польше и на Кавказе, а также небольшой губернаторский опыт в Туле. Получив от людей, осведомлённых о делах края, необходимые сведения и ознакомившись с состоянием дальневосточной политики, Муравьёв объявил предшествовавший правительственный внешнеполитический курс неверным или даже преступным: «У меня довольно твердости и постоянства, чтобы выполнить все то, что я вижу и представляю, но я не умею бороться против неблагонамеренности; все дела Камчатки и Охотского моря, особенно после всеобщего европейского мира в 1815 году, положительно свидетельствуют, что в последние 35 лет враждебный дух руководствовал всеми нашими действиями в этой стороне!»⁵

В первом же своем докладе царю в январе 1848 г. Н.Н. Муравьёв указал на главные, с его точки зрения, сибирские проблемы. В том числе: нерешённость вопроса о границе с Китаем, неудобства Охотского порта и возможность его переноса в другое место, улучшение сообщений с Охотским морем и Камчаткой. Генерал-губернатор специально остановился и на новом значении, которое приобрёл Китай и «Восточный океан с его морями, обратившими на себя внимание европейских морских держав».

Николай I был заинтересован в том, чтобы двинуть дальневосточные дела вперёд, и не случайно при назначении на пост Восточно-Сибирского генерал-губернатора Муравьёв получил право лично обращаться к императору в особо важных случаях. Но даже императорская поддержка не имела абсолютного характера, иначе трудно объяснить то, что Муравьёв был утверждён в должности генерал-губернатора лишь 6 декабря 1849 г.

³ Ремнев А.В. *Россия Дальнего Востока. Иперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. С. 124.*

⁴ См.: Кабанов П.И. Указ. соч.; Мамай А.С. *Амурский вопрос в дальневосточной политике России в середине XIX в. Н.Н. Муравьев-Амурский : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.*

⁵ Барсуков И.П. *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: (материалы для биогр.). М., 1891. Т. I. С. 222.*

Суть новой дальневосточной доктрины Н.Н. Муравьев изложил в записке «Причины необходимости занятия устья р. Амура и той части острова Сахалина, которая ему противостоит, а также левого берега Амура» (1849 г.)⁶. Главными мотивами активизации дальневосточной политики и возвращения России Амура он считал тесную связь перспектив развития Восточной Сибири с установлением удобного сообщения по Амуру с побережьем Тихого океана, а также возрастающую угрозу в регионе со стороны европейских держав. Овладение Амуром англичанами могло дать им прекрасную возможность для экспансии во внутренние провинции Китая, на российский Дальний Восток и далее в Сибирь. Россия, в силу своего исторического права, была обязана воспользоваться географическим преимуществом и дать адекватный ответ на новый вызов, брошенный ей Западом в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Но главная проблема оставалась нерешенной. Территории по Амуру и Приморью не имели дипломатически и юридически закреплённого владельца. Муравьев сосредоточил все свои усилия на разрешении этого вопроса. Прежде всего генерал-губернатор Восточной Сибири просил наделить его полномочиями, которые выводили его из подчинения некоторых министерств (особенно МИД, бесценно возглавляемым сторонником минимальной активности на Дальнем Востоке К.В. Нессельроде). Для ускорения хода дел Муравьев также просил разрешения обращаться напрямую к императору, минуя министерства и ЕИВ Канцелярию. Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг. уже началась, когда Муравьев, подозревая, что военные действия в скором времени могут перекинуться и на Дальний Восток, подал записку с просьбой о разрешении сплавить по Амуру войска для защиты устья Амура и Камчатки. Разрешение было дано лично императором.

Поиски средств заставляли Муравьева применять «крутые» меры к населению Восточной Сибири, в особенности Забайкалья, которое вынуждено было нести различные повинности. Часть русского населения Забайкалья перевели на военное положение (в казаки), и, соответственно, вся нагрузка и по гражданской, и по военной службе (покупка лошадей, оружия, постройка казарм, административных зданий и т. д.) ложилась на его плечи. Материальная база для похода на Амур была подготовлена при мобилизации всех местных ресурсов. Петровский завод был переоборудован и приспособлен для выпуска нужных железных изделий. Было построено два парохода: «Аргунь» и «Шилка».

Затрудняясь организовать чисто русское переселение, Муравьев считал особо важным привлечь на свою сторону и забайкальских бурят. Этому должны были послужить меры по поземельному устройству бурят, организации у них суда и самоуправления, регламентации положения ламаистского духовенства. Параллельно ставилась цель снизить религиозную зависимость бурят от ламаистских центров в Монголии и Тибете⁷. Стремление опереться на поддержку (в том числе и военную) местного населения было традиционным в российской политике на востоке. В рамках этой политики было создано «инородческое войско», включившее в свой состав тунгусов и бурят на правах казаков. В 1851 г. инородческие полки вошли в состав Забайкальского казачьего войска, а бурятским и тунгусским казакам отвели земли на привилегированных условиях.

Хлеба для снабжения войск и первых поселенцев, отправлявшихся на Амур, также катастрофически не хватало. Везти его даже из земледельческих районов

⁶ Барсуков И.П. Указ. соч. Т. II. С. 46–49.

⁷ Там же. Т. I. С. 311.

Восточной Сибири, лежавших к западу от Байкала, было очень дорого. Муравьев прибегнул к особой политике. На Амур закупали хлеб по ценам, в полтора раза превышающим средние в Забайкалье.

14 апреля 1854 г. Муравьев отправил в Трибунал внешних сношений Китая особый лист, в котором писал, что император России, «...заметив лживые поступки некоторых иностранных держав, питающих враждебные замыслы на наши приморские владения, повелел отправить шесть больших военных кораблей...»⁸, и сообщал, что руководство экспедицией и дальнейший переговорный процесс по разграничению Приамурья отныне возложены на него.

Первый и второй Амурские сплавы и выигрыш войны за Тихий океан

7 мая 1854 г. Муравьев приехал в Шилкинский завод, начальный пункт первого сплава и место всех приготовлений к нему. На «караван» погрузили 25 000 пудов продовольствия. Экспедиционный отряд состоял из 912 человек, не считая Муравьева и его свиты. В том числе 120 кавалеристов с лошадьми. 14 мая амурская экспедиция двинулась в путь. А. Сгибнев, свидетель событий, так описывает начало плавания: «В то время мы имели об этой реке самые темные и сбивчивые понятия... и потому плыли, как говорится, ощупью, не зная даже в какой степени река судоходна»⁹.

20 мая флотилия подошла к месту древней русской левобережной крепости Албазин. Н.Д. Свербеев, назначенный Н.Н. Муравьевым чиновником особых поручений при Якутском правлении, участник экспедиции, вспоминал: «Что-то родное сказалося сердцу, когда мы вышли на долину, где жили русские люди, где они так долго, храбро и упорно отстаивали право своего обладания»¹⁰. На развалинах русского поселения была отслужена панихида по его защитникам.

Наконец, экспедиция приблизилась к главному административному и военному центру китайского Приамурья — маленькому городку Айгунь на правом берегу реки. Появление русских произвело на китайцев большое впечатление. «Это известие... как бы громом поразило начальника Айгуня, который, не получив никакого распоряжения от своего правительства о сплаве... ничего об этом не ведая...», сначала не хотел пропускать флотилию, «...но появление невиданного манджурами парохода и огромного числа плывущих по реке барж и лодок... так перепугало манджурских чиновников, что они желали... скорейшего удаления русского отряда...»¹¹

14 июня экспедиция была уже у Мариинского поста. Путь по Амуру в Тихий океан был открыт. Около 350 солдат и пушки были отправлены морем в Петропавловск-на-Камчатке, что обеспечило камчатскому губернатору В.С. Завойко возможность организовать отпор англо-французскому флоту, совершившему нападение на Петропавловск 16 августа 1854 г.

Для Н.Н. Муравьева было характерно стремление всё видеть и во всё вникать

⁸Барсуков И.П. Указ. соч. Т. II. С. 114

⁹ Заборинский А.И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. Очерк и письма // Русская старина. СПб., 1881. № 10. С. 160.

¹⁰Свербеев Н.Д. Описание плавания по р. Амуру // Записки Сиб. Отд. Р.Г.О. 1857. Кн. 3. С. 160.

¹¹Барсуков И.П. Указ. соч. Т. I. С. 111–113. С. 372.

самому. Последующие сплавы с 1855—1858 гг. (кроме сплава в 1856 г.) он также возглавлял лично. При этом «флотилией» командовал офицер особых поручений П.В. Казакевич, а войском — М.С. Корсаков, который позднее, после отставки Муравьева-Амурского, станет его преемником, генерал-губернатором Восточной Сибири.

М.С. Корсаков сообщал Муравьеву в письме, что император Николай I обнял и расцеловал вестника первого похода и повелел всех спутников Муравьева представить к наградам. «Корсакова произвели в полковники, Невельского — в адмиралы, Казакевича — в 1-й ранг...» Рядовым, участвовавшим в сплаве, «пожаловали по три рубля серебром на каждого»¹².

Муравьев, судя по его действиям, постоянно помнил о далёких перспективах — освоении и заселении нового края. Уже при первом сплаве начала создаваться цепь военных постов и станиц на левом берегу Амура, образовавших позже Амурскую линию. Параллельно с осуществлением первых сплавов и фактическим заселением левого берега и устья Амура велись переговоры о разграничении с китайскими властями. По-прежнему считая определение границ с соседним государством важнейшей задачей, Муравьев видел основную проблему в отношениях России не с Китаем, а с Англией, США и Францией.

После того как новый император Александр II разрешил второй сплав по Амуру, разросшийся караван было решено разделить на три отделения: первое состояло из 26 барж под начальством самого генерал-губернатора, второе — из 52 барж под начальством подполковника А.А. Назимова, третье — из 35 барж под начальством полковника М.С. Корсакова. С этим сплавом прибыло в Мариинск 2 500 солдат, а также учёная экспедиция Сибирского отделения Российского географического общества, которую возглавлял известный биолог Р.К. Маак. В составе экспедиции было 6 человек, в том числе: астроном, картограф, топограф. Экспедиция была организована на средства иркутского купца и промышленника С.Ф. Соловьёва, представившего на организацию исследования Амура полпуда золота.

С этим же сплавом под распоряжением чиновника особых поручений М.С. Волконского (сына ссыльного декабриста) прибыло около 600 человек первых русских земледельцев — иркутских и забайкальских крестьян для поселения между Николаевским и Мариинским постами. Уже к концу 1855 г. на правом берегу Амура были основаны деревни: Иркутская, Богородская, Михайловская, Ново-Михайловская, Сергеевская и Воскресенская. Численность русских войск в низовьях Амура возросла до 7 000 человек, считая 1 096 моряков из перебазированного в Николаевск Петропавловского порта. В конце 1856 г. Николаевский порт был переименован в город Николаевск, ставший центром Приморской области, в состав которой вошли бывшая Камчатская область и Удский край.

Первым военным губернатором Приморской области и командующим Сибирской флотилией был назначен капитан первого ранга П.В. Казакевич. Начальником сухопутных войск, сосредоточенных в низовьях Амура, стал полковник М.С. Корсаков. Начальником штаба при главнокомандующем всеми морскими и сухопутными силами был первооткрыватель устья Амура Г.И. Невельской.

12 мая 1855 г. Н.Н. Муравьев вновь встретил китайских сановников, направлявшихся по распоряжению Пекина в Забайкалье для переговоров по вопросу разграничения. Генерал-губернатор предложил им провести совещание в Мариинске, с чем китайские представители согласились. 9 сентября 1854 г. в Мариинском

¹²Свербеев Н.Д. Указ. соч. Кн. 3. С. 165

посту начались первые переговоры с Китаем об Амурской пограничной черте. В.С. Завойко от имени заболевшего Муравьёва изложил следующие предложения: Россия считает необходимым организовать прочную защиту Амура от иностранцев, чтобы обезопасить внутренние области Восточной Сибири. Низовья Амура и весь Приморский край, занятый русскими, являются владением России; для связи этих владений с внутренними областями России необходимо иметь свои поселения на левом берегу Амура. Китайские представители, ссылаясь на отсутствие полномочий, отказались от обсуждения внесённых Муравьёвым предложений. Ни к какому соглашению стороны не пришли, но Муравьёв, прощупав настроение собеседников, почувствовал, что он стоит на правильных позициях.

Завершив переговоры, Н.Н. Муравьёв занялся подготовкой защиты устья Амура от неприятеля: устройством артиллерийских батарей, размещением флота на зимовку в устье Амура, обеспечением солдат и казаков помещениями, продовольствием и т. д. Поручив общее командование войсками и всем персоналом своевременно эвакуировавшему Петропавловск-Камчатский контр-адмиралу В.С. Завойко, генерал-губернатор 30 сентября 1855 г. отбыл из Николаевска в Аян. Оттуда прежним маршрутом, верхом на оленях, лодках, на собачьих упряжках по замёрзшей реке добрался до Якутска, и только в конце декабря прибыл в Иркутск. Выигрыш Тихоокеанской кампании при общем неблагоприятно складывавшемся для России течении Крымской войны был обеспечен.

Третий и четвёртый Амурские сплавы и заселение новых территорий

В навигацию 1856 г. из Забайкалья по Амуру был организован третий сплав, в задачу которого входила расстановка по Амуру постов с продовольствием, на которые могли бы опереться войска при их возвращении в Забайкалье по окончании войны. Получив известие о мире, Н.Н. Муравьёв уже 19 марта пишет обстоятельное письмо военному губернатору Забайкальской области с конкретной программой экстренных мероприятий. Предлагалось: срочно начать подготовку эвакуации войск с низовьев Амура, где было сосредоточено более 3 000 солдат и казаков; для их снабжения в долгом пути (2 300 верст) сплавить по Амуру продовольствие, поставить по левому берегу склады для его хранения, разместить там военные посты. Предложено было создать 5 таких складов через 200–250 вёрст.

Особое внимание Н.Н. Муравьёв предложил уделить посту при устье реки Зеи, сделать его главным и разместить там до 500 солдат и казаков. Этот пост вблизи маньчжурского городка Айгуня и должен был стать опорным пунктом для связи с низовьями Амура. Сам Н.Н. Муравьёв отбывал в Санкт-Петербург для последующего участия в коронации Александра II, поэтому общее руководство сплавом и эвакуацией войск поручалось М.С. Корсакову, назначенному в конце 1855 г. военным губернатором вновь созданной Забайкальской области.

В соответствии с рекомендациями Муравьёва, из Шилкинского завода на 110 судах, баржах и плотках начался сплав войск, казаков и продовольственного груза по Амуру (5 906 пудов муки, 843 пуда крупы, десятки пудов масла, соли, 675 вёдер спирта). По пути в низовья Амура приказано было выгрузить продовольствие на 5 складах, оставить там солдат и казаков. Для хранения продовольствия приказано было строить склады из брёвен плотов. В начале мая караван судов, во главе с пароходом «Надежда», на котором находился М.С. Корсаков, двинулся по Шилке,

затем по Амуру. 21 мая 1856 г. вблизи устья Зеи на левом берегу Амура высадили с барж и плотов 14-й линейный батальон. Началась расчистка территории, заготовка дров, разработка земли под посадку картофеля. Так было положено начало основанию Усть-Зейского поста (ныне г. Благовещенск).

М.С. Корсаков на пароходе сплавился также до Айгуня, где произошла его встреча с местным начальством. После взаимных приветствий он объявил китайцам, что прибыл сюда по распоряжению генерал-губернатора Н.Н. Муравьёва, и предупредил их о том, что в течение всего лета вверх и вниз по реке будут ходить русские суда и пароходы. Из низовьев Амура будут возвращаться войска, для обеспечения которых генерал-губернатор приказал оставить на некоторых местах по левому берегу Амура продовольствие, людей для его охраны и оказания, в случае необходимости, помощи.

Принятые меры обеспечили возможность эвакуации в Забайкалье с низовьев Амура бывших там почти трёх тысяч солдат 13-го и 14-го линейных батальонов и казаков. Вверх по реке на судах и лодках, а также пешим порядком по берегу предстояло преодолеть 2 300 вёрст от Мариинска до Усть-Стрелки. Созданные заранее военные посты со складами продовольствия были важными промежуточными базами для уставших от тяжёлого пути людей. 9 августа Н.Н. Муравьёв направил М.С. Корсакову предписание оставить на левом берегу Амура посты на всю зиму. В том числе — «оставить на устье реки Зеи не менее 50 казаков, расположив их там сколь возможно удобнее, с тем, что с первым сплавом будущей весны будут к ним доставлены их семейства и все домашнее обзаведение уже для окончательного там поселения»¹³.

По распоряжению Н.Н. Муравьёва Н.И. Хилковскому было поручено ехать в Забайкалье для формирования Амурского казачьего полка и подготовки к сплаву будущего года. Генерал-губернатор предложил также М.С. Корсакову и П.В. Казакевичу организовать почтовое сообщение от Забайкалья до Николаевского поста. Так летом 1856 г. всё левобережное Приамурье фактически стало российской территорией.

В начале августа 1856 г. Н.Н. Муравьёв писал из Москвы М.С. Корсакову: «Дело Амура, как ты видишь уже из бумаг, явно и решительно поддерживается правительством: теперь не только государь и великий князь, но и все министры в пользу его. Наконец, в глазах и мнении государя, великого князя и военного министра, ты — преемник мой к приведению в исполнение этого дела, которое должно вознаградить Россию за все то, что она терпит от Запада»¹⁴.

21 октября 1856 г. был подписан указ Александра II о создании единой Приморской области из Камчатской области и Приамурского края. Административным центром был объявлен Николаевск, преобразуемый из поста в город. Военным губернатором Приморской области был утверждён П.В. Казакевич. Камчатская флотилия была преобразована в Сибирскую. В её состав были включены 6 винтовых корветов и 6 клиперов. Униженная Парижским миром на Чёрном море Россия создавала мощную флотскую группировку на Тихом океане.

15 декабря 1856 г. Н.Н. Муравьёв вернулся из Петербурга в Иркутск. Началась деятельная подготовка к следующему шагу — переселению на Амур казаков Амурского казачьего полка и организации нового сплава переселенцев в летнюю навигацию 1857 г. В апреле на Шилку были стянуты солдаты линейных батальонов, казаки, служащие, подготовлены баржи, плоты, лодки. 16 мая 1857 г. Н.Н. Муравьёв выехал из Иркутска, 27 мая караван барж, плотов, лодок с двумя паровыми катерами тронулся вниз по Шилке, затем по Амуру. 3 июня сплав был уже у Усть-Зейского поста.

¹³Цит. по: Шиндялов Н.А. Основатели Благовещенска. Благовещенск, 2006. С. 36.

¹⁴Барсуков И.П. Указ. соч. Т. I. С. 478.

К посту были сплавлены два линейных батальона Восточно-Сибирских войск и дивизион лёгкой артиллерии: всего более двух тысяч человек. Казаки-переселенцы должны были прибыть позднее — в июле. Разместившись лагерем, солдаты начали обустраивать территорию для семей казаков будущей Усть-Зейской станицы и готовить для себя зимние квартиры. Один батальон предполагалось оставить здесь на постоянное размещение. Прибывший с солдатами священник походной православной церкви А. Сизой получил разрешение использовать бывший склад продовольствия поста для строительства церкви. Брёвна дома были сплавлены на 2 версты ниже поста, где на возвышенном месте из них построили здание храма. В строительстве принимали участие солдаты, офицеры и сам генерал-губернатор. Строительство церкви завершили осенью 1859 г. Никольская церковь стала и первым зданием будущего города Благовещенска.

Летом 1857 г. по левому берегу Амура от Усть-Стрелки до Хинганского хребта были основаны 15 казачьих селений. Названия селениям давались по именам землепроходцев XVII в. — А. Бейтона, А. Пашкова, А. Толбузина; активных соратников Н.Н. Муравьёва в борьбе за решение Амурского вопроса — М.С. Корсакова, П.В. Казакевича, Н.П. Аносова, А.И. Бибикова, А.С. Сгибнева; золотопромышленников Е.А. Кузнецова и С.Ф. Соловьёва, внесших большие средства в финансирование сплавов. Таким образом, Муравьёв наглядно поддерживал местный патриотизм, не упуская случая подать свою деятельность на Амуре в широком историческом контексте русского освоения Сибири.

Большую работу на Амуре летом 1857 г. проделала топографическая экспедиция М.И. Венюкова. Были составлены карты размещения селений, выполнены необходимые измерения и составлены описания территории от Усть-Стрелки до р. Буреи — общей протяженностью в 1 137 верст. Таким образом, к зиме 1857–58 гг. на среднем Амуре уже проживало около 3 000 русского населения.

В этом же году при впадении реки Усури в Амур было основано поселение тринадцатого линейного батальона, названное Хабаровским. Забегая вперёд, скажем, что в 1858 г. для привлечения поселенцев было решено, что любой переселенец, отправляющийся в Приамурье за свой счёт, имел право приобрести земельный участок в собственность, а те, кто отправился за счёт казны, получали участки в пользование.

Активную поддержку действиям генерал-губернатора на Амуре оказывало и руководство Русской православной церкви. Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов) ещё в 1856 г. писал о необходимости, «как в первые времена заселена была Сибирь», переселить сюда выходцев из Европейской России, разместить их по почтовому тракту, сознавая при этом, что без насильственных мер не обойтись. Он специально разъяснял важность русского культурного продвижения: «Эти переселенцы, придя в Сибирь, принесли с собою все свои, общие всем, обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменилось почти одно только место, — а общество, т. е. их соседи, те же, что и были в России»¹⁵. Казаки на Амуре строили церкви едва ли не раньше, чем были устроены дома и распаханы поля. Определяя главную цель присоединения к России обширного и почти пустынного Амурского края, Иннокентий отмечал, что она заключается прежде всего в том, «чтобы благовременно

¹⁵Барсуков И.П. *Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и расказах современников. М., 1883. С. 383*

и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России»¹⁶.

В создании Приамурского края, кроме крестьян и казаков, участвовали регулярные войска. Именно во многом благодаря солдатам были построены первые дороги, города и села, переправы и мосты через реки, телеграф. «При таких условиях, выработался совершенно своеобразный тип сибирского линейного солдата. Он охотник, плотник и кузнец; в лесу и степи он как дома; он везде найдет дорогу и средства к существованию, он обладает талантом объясняться с инородцами, язык которых ему совершенно неизвестен; он невероятно изобретателен в пользовании обстоятельствами и тем, что дает природа; словом, это человек самостоятельный и способный выйти победителем из самых затруднительных положений»¹⁷.

Пятый Амурский сплав и заключение договора о границе с Китаем

Предстояло провести пятый по счету сплав. 6 апреля 1858 г. Муравьев в письме к военному министру высказывал следующее: «До сих пор мы действовали на Амуре, не прерывая дружеских отношений с соседями, имея полное на них влияние. В 1850 г. мы стали у устья реки, в 51 и 52 гг. осмотрелись и заняли нужные пункты вверху по реке, в 53 г. заняли южную оконечность острова Сахалина, в 54 г. проплыли по реке один раз, в 55 г. стали плавать взад и вперед, в 56 г. продолжали плавать и расставили по всему левому берегу казачьи посты. Китайцы никогда и ни на что не давали своего согласия, но никогда не смели действиям нашим препятствовать, напротив, помогали нам с немаловажными для себя издержками; опыт доказал нам, что с китайцами надо действовать, а не говорить»¹⁸.

Муравьев выехал из Иркутска, по льду переправился через Байкал и в двадцатых числах апреля был в Шилкинском заводе. Отсюда экспедиция двинулась вниз по Шилке. Готовясь к предстоящим переговорам, он сформировал представительную делегацию. В неё были включены: П.Н. Перовский (сотрудник министерства иностранных дел, пристав Пекинской духовной миссии), Я.П. Шишмарев (переводчик маньчжурского языка, в будущем активный участник проекта создания независимой Монголии), Е.К. Бютцев, К.Ф. Будогосский, архиепископ Иннокентий (Вениаминов) и несколько служащих.

Стремясь быстрее встретиться с китайскими представителями, Н.Н. Муравьев 7 апреля 1858 г., ещё до полного таяния льда на реках, выехал с участниками делегации на Амур. 5 мая прибыли в Усть-Зейскую станицу. 6 мая туда же прибыл айгунский амбань с известием, что князь И-Шань уже прибыл в Айгунь и готов вести переговоры. Н.Н. Муравьев согласился и внёс свои предложения о начале и содержании переговоров.

9 мая 1858 г. архиепископ Иннокентий в присутствии генерал-губернатора, в Усть-Зейской станице на расчищенной и подготовленной площади вблизи берега

¹⁶Барсуков И.П. *Иннокентий, митрополит московский и коломенский...* С. 382. *О православной миссионерской деятельности на Амуре см.: Исаченко Б.А. Православное миссионерство на Амуре во второй половине XIX в. // Вестник Амурского государственного университета. 2001. Вып. 12. С. 21–23.*

¹⁷Буссе Ф.Ф. *Уссурийский край // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом отношении.* СПб.; М., 1895. Т. XII. Ч. 2. С. 430.

¹⁸Цит. по: *Болохвитинов Л.М. Русский Амур // Первое сентября. География. 2003. №19.*

Амура, заложил храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Поддерживая предложение архиепископа, Н.Н. Муравьев в ознаменование этого события принял решение переименовать Усть-Зейскую станицу в Благовещенскую и преобразовать её в город. 10 мая Н.Н. Муравьев на катере в сопровождении двух канонерских лодок отбыл в Айгунь.

В первый же день переговоров были определены точки зрения сторон на проблему установления границы. Китайские представители изначально не были настроены соглашаться на русские условия. Начались длительные дискуссии. Однако китайские чиновники также были заинтересованы в положительных итогах встречи — в сложных условиях продолжавшейся Второй Опиумной войны с европейскими державами Китаю нужна была поддержка России. 16 мая приемлемый для обеих сторон текст договора был. Главные итоги переговоров — левый берег Амура признавался принадлежащим России, правый берег Амура до реки Уссури — признавался принадлежащим Китаю. Приморье — территории от Уссури до Амура были оставлены в совместном владении. И-Шань отказался решать этот вопрос, ссылаясь на то, что он не уполномочен решать пограничные проблемы в Приморье.

Так, Россия официально восстановила суверенитет над уже фактически принадлежавшим ей левобережным Приамурьем. Это был выдающийся успех многолетних усилий Н.Н. Муравьева и его соратников.

16 мая 1858 г., поздним вечером, оформление договора завершилось. На следующий день, 17 мая, русская делегация на катере вернулась в Благовещенскую станицу. Всё её население с энтузиазмом приветствовало прибывших. Архиепископ Иннокентий устроил благодарственный молебен, затем обратился к Н.Н. Муравьеву с яркой приветственной речью, выразив уверенность, что дела и подвиги его не будут забыты, история воздаст должное его трудам. «Нет сомнений в том, — сказал архиепископ, — что и в настоящее время если и не вся Россия, то вся Сибирь и все благомыслящие россияне и все твои сподвижники с радостью, с благодарностью и с восторгом примут известие о совершенном тобою ныне деле». Затем состоялся крестный ход к храму с молитвами благодарения. После молебна все чины были приглашены на коллективный обед.

Н.Н. Муравьев огласил приветственный приказ: «Товарищи! Поздравляю Вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России! Святая церковь молится за нас! Россия благодарит. Да здравствует император Александр, и да процветает под кровом его вновь приобретенная страна! Ура!»

Договор был с пониманием воспринят в Китае. 2 июня 1858 г. в Пекине императорским указом он был ратифицирован. Высокую оценку получил договор и в Петербурге. По представлению Н.Н. Муравьева, активные участники были награждены императором орденами, удостоены материального поощрения и повышены по службе. Н.Н. Муравьев был возведён в графское достоинство и к его фамилии добавили титул «Амурский».

В августе 1858 г. Н.Н. Муравьев-Амурский вернулся в Иркутск. В городе по этому случаю была устроена торжественная встреча. Начались приёмы и банкеты с поздравлениями и чествованием генерал-губернатора. Вот как описывает эту торжественную встречу один из его современников: «У городского шлагбаума по Амурскому трактату выстроены были Триумфальные ворота, изукрашенные флагами и зеленью, где предполагали встретить Н.Н. Муравьева все высшие чины и граждане Иркутска и отправиться вместе с ним в собор для принесения благо-

дарственного молебна... Вечером город был иллюминирован, а на площади против штаба выставлены военные музыканты и певчие; на штабе искусно выведены были из горящих площадей буквы, означающие: «Амур наш»¹⁹.

В том же году состоялось подписание Тяньцзиньского договора, по которому Россия мирно получала все торговые права в Китае, которых недавно добились военной силой другие западные государства. Наконец, в 1860 г. русским послом Н.П. Игнатьевым был заключён дополнительный Пекинский договор, в целом, определивший линию российско-китайской границы от слияния рек Шилки и Аргуни до побережья Тихого океана²⁰. Последний документ лично утвердили императоры обеих стран.

Итоги и лавры

В январе 1861 г. генерал-губернатор сдал свою должность преемнику и ученику Корсакову и навсегда покинул край, где им было сделано так много. Современники долго потом вспоминали, как сердечно провожали его в Иркутске: «Назначенный для отъезда день начался в соборе, в котором при архиерейском служении граф Муравьев, окруженный обществом, отстоял напутственный молебен. Площадь, или, лучше сказать, ряд площадей, окаймляющих собор, кишела народом. После молебна все, имевшие на то право, бросились в близлежащее Собрание. Граф Муравьев дошел до него пешком; народ теснился около него; слышались прощальные крики. Графу приходилось останавливаться, выслушивать прощальные напутствия. Наконец, он в Собрании. Громадная зала последнего, прилегающие комнаты кишели публикой. Тут были и мундиры, и ремесленники со значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшие из соседних деревень, и инородцы, и казаки. Не было, кажется, человека, которому бы граф не сказал слова. Кончилось это прощание. В городских экипажах, кто только мог, поехали на Вознесенский монастырь. Казалось, что туда прибудут только избранные, но пока шел молебен над мощами святителя Иннокентия, пока продолжался завтрак у настоятеля, площадь перед монастырем наполнялась народом, буквально прибежавшим. Чиновники вынесли по сибирскому обычаю на руках графа Муравьева; но только показались в толпе, как моментально были отброшены в сторону, а граф очутился на руках сперва крестьян, а потом инородцев-бурят, поспешно выхвативших его у первых... «Мы тебя, граф, не забудем, не забудь и ты нас», — кричали они... «Не забудь нас!» — подхватил народ. Тронулись повозки, все стояли без шапок; кто бежал сзади; кто обратился к монастырю и крестился, кто набожно благословлял отъезжавшего. Шибче и шибче двигались повозки. Народ долго еще стоял без шапок, следя за ними».

Муравьев уезжал из Сибири. Но сделанное им не могло разрушиться после его отъезда. Теперь оно держалось на плечах тех, кого можно было назвать единой командой, или даже семьей. Офицеры, чиновники, учёные, купцы, священники, казаки, крестьяне — прежде чужие, делая одно дело, стали близки и дороги друг другу. Стоявшие в стороне от скользкого «амурского вопроса», экономя время и

¹⁹Цит. по: Шиндялов Н.А. Основатели Благовещенска. Благовещенск, 2006. С. 47.

²⁰См.: Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. М., 2009. С. 71–107.

силы, вдруг оказались на обочине жизни и теперь завистливо посматривали на «муравьевцев». А каждый из тех, кто пожертвовал своим имуществом, здоровьем или карьерой ради общего дела, обрёл в нём смысл и счастье. То самое, именем которого Невельской назвал когда-то залив в устье реки Амур.

Малоизвестные ныне экспедиции 1854–1858 гг. подготовили и завершили закрепление за Россией территории общей площадью более миллиона квадратных километров.

Айгунский договор решил полуторавековую проблему взаимовыгодного геополитического размежевания пограничных территорий, создавая прочные основы для развития дружбы и сотрудничества двух великих государств и соседних народов. Договор был вполне равноправным и юридически правомерным актом. В преамбуле договора сказано, что он заключён «по общему согласию, ради большой вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев».

Китай, раздираемый внутренними конфликтами, сопротивляющийся интервенции западных держав, и при желании не мог бы воевать на севере с Россией. Цинскому правительству было важно сохранить южные и внутренние провинции. Поэтому договор о разграничении между двумя странами был, действительно, выгоден обеим сторонам. Во-первых, решался и юридически закреплялся вопрос о границе, что давало старт дальнейшему освоению и развитию территорий; во-вторых, Россия получала судоходную артерию, связывавшую внутренние районы Сибири с Тихоокеанским побережьем; в-третьих, Китай «прикрывался» от вторжения третьих стран в свои северные провинции с моря. Тем самым, создавалась своего рода защитная зона, охраняемая Россией.

«Пока англичане препирались в Кантоне с мелкими китайскими чиновниками... русские завладели территорией к северу от Амура и большей частью маньчжурского побережья к югу от этой реки; они укрепились там, произвели изыскания для железнодорожной линии и наметили места будущих городов и гаваней. Когда Англия, наконец, решила идти войной на Пекин и когда Франция примкнула к ней в надежде урвать что-нибудь для себя, Россия, — хотя она в этот самый момент и отняла у Китая территорию, по величине равную Франции и Германии, вместе взятым, и реку протяжением с Дунай, — ухитрилась выступить в качестве бескорыстного покровителя слабого Китая»²¹, — с раздражением писал об этом в британской прессе небезызвестный публицист Фридрих Энгельс.

Деятельность генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева и его команды, направленная на освоение и развитие Сибири и Дальнего Востока, сегодня представляет интерес не только с историко-культурной точки зрения. В рамках организации Амурских сплавов 1854–1858 гг. были впервые нащупаны и опробованы подходы к решению многих сложных геополитических и социально-экономических задач в этом регионе. Уникальный опыт ускоренного создания новых социальных структур в сложных политических (в том числе, внешнеполитических!) условиях, опыт эффективного управления этими структурами заслуживает того, чтобы опереться на него и при реализации современных региональных стратегий. Весь этот опыт с определёнными оговорками и поправками при-

²¹Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. С. 638.

меним и в наше время. Более того, публичная опора на авторитет Н.Н. Муравьёва, на героическое наследие первопроходцев Дальнего Востока России придаст современным стратегиям развития Востока России ту фундаментальную опору, которой они зачастую лишены в глазах местного культурного сообщества, ревниво относящегося к любым попыткам развивать регион по выработанным вдали от него «привозным» рецептам.

Тринадцать лет управлял этот человек Сибирью, а совершил столько, сколько иной не сделал бы и за тридцать! Как ему это удалось? А главное, за что его, жёсткого, порой, даже несправедливого руководителя любили самые разные люди? Наверное, потому что и сам он умел ценить людей. Ведь не капиталы, не приказы, не оружие, в конце концов, вернули Амур России. Это сделали те, кого он сумел объединить и заразить своей верой в возможность решения тяжёлой, почти несбыточной, но очень необходимой для России задачи.